

Научная статья
УДК 343.953
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1*

Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и личностные аспекты влияния уголовного наказания на взаимодействие преступников с социальным окружением. Показано, что социальное взаимодействие является важным фактором формирования криминальной направленности и ключевым условием ресоциализации преступников. Отмечается, что криминальная направленность формируется и проявляется в социальном взаимодействии. Прямое и опосредованное влияние на её усиление и ослабление оказывает ближайшее социальное окружение, включающее членов семьи, родственников и друзей.

Констатируется, что уголовное наказание влияет на социальные и личностные аспекты социального взаимодействия лиц, привлечённых к уголовной ответственности. Социальные последствия определяются отношением общества к преступлению и преступнику. Социальные представления устанавливают отношения, стереотипы и установки во взаимодействии с преступниками, при этом социальные представления имеют противоречивый характер, поскольку преступники принадлежат к разным социальным слоям, сообществам и социальным группам общества. К личностным последствиям влияния уголовного наказания на взаимодействие с социальным окружением относятся изменения в самооотношении и самооценке, а также состоянии потребностно-мотивационной сферы. Характеризуются их психологические последствия. Делается вывод о том, что самооотношение и самооценка преступников обладают дефектами формирования, влияющими на восприятие социального отношения к преступлению, затрудняющими переживание вины за его совершение. Показано, что привлечение к уголовной ответственности усиливает противоречия в самооотношении и регуляции потребностно-мотивационной сферы личности.

Специфика самооотношения вызвана противоречием между поддержанием положительного представления о себе (положительного «образа-Я» и высокой самооценки) и избеганием принятия ответственности за совершенное преступление в сочетании с негативными социальными представлениями о преступлении и преступнике.

Делается вывод о перспективах исследования социального взаимодействия лиц, подвергшихся уголовному преследованию, как ресурсе профилактики их повторной криминализации.

Ключевые слова: психология преступника, социальное взаимодействие, ресоциализация осуждённых, профилактика преступлений, влияние уголовного наказания

Для цитирования: Злоказов К. В. Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 225–232; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation*

The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment

Abstract. The article deals with social and personal aspects of the impact of criminal punishment on the interaction of criminals with the social environment. It is shown that social interaction is an important factor in the formation of criminal orientation and a key condition for resocialization of criminals. It is noted that criminal orientation is formed and manifests itself in social interaction. Key importance for its strengthening and weakening has the nearest social environment, including family members, relatives and friends.

It is stated that criminal punishment has an impact on social and personal aspects of social interaction of persons brought to criminal responsibility. Social consequences are determined by the attitude of society to the crime and the offender. Social perceptions establish attitudes, stereotypes and attitudes in the interaction with criminals. At the same time, social perceptions are contradictory, because they belong to different social strata, communities and social groups of society. The personal consequences of the impact of criminal punishment on the interaction with the social environment include changes in self-concept and self-esteem, as well as the state of the needs-motivational sphere. Their psychological consequences are characterized. The conclusion is made that the self-perception and self-esteem of criminals has formation defects that affect the perception of the social attitude to the crime, hindering the experience of guilt for its commission. It is shown that criminal prosecution strengthens the contradictions in the self-perception and regulation of the needs-motivational spheres of personality.

The specificity of self-attitude is caused by the contradiction between the maintenance of positive self-image (positive «I-image» and high self-esteem) and avoidance of taking responsibility for the committed crime in combination with negative social ideas about the crime and the offender.

The conclusion is made about the prospects of research of social interaction of persons who have been subjected to criminal prosecution as a resource of prevention of their re-criminalization.

Keywords: psychology of the criminal, social space, social interaction, crime prevention, social relations

For citation: Zlokazov K. V. The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 225–232; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232.

Актуальность исследования

Необходимость обращения к социальному взаимодействию лиц, подвергшихся уголовному наказанию, обусловлена, во-первых, целями профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых после отбывания уголовного наказания; во-вторых, недостаточными и противоречивыми представлениями о роли социального окружения в формировании вторичной криминализации преступников. Данная проблематика рассматривается через призму возникновения и угасания криминальной направленности.

Криминальная направленность характеризует склонность субъекта к совершению преступлений и правонарушений. Предполагается, что она определяется особенностями личности, организованными в специфический симптомокомплекс. Он представлен в виде разноуровневых характеристик, обуславливающих преступное поведение, и охватывает все уровни организации личности. В него включают индивидуальные свойства (конституциональные, нейродинамические) и психологические качества (личностные, нравственные)¹. При этом

¹ Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений

индивидуальные детерминанты не являются единственным условием, необходимым и достаточным для совершения преступления.

По мнению А. Н. Пастушени, криминальная направленность опосредована внешними условиями, подразделяемыми на стимулирующие и вынуждающие, нейтральные, сдерживающие и антикриминальные². Кроме того, реализация криминальной направленности зависит от установок, ценностей и представлений, которые непосредственно влияют на выбор преступной цели либо преступного способа её достижения. Особое внимание в формировании криминальной направленности обращается на взаимодействие индивида с социальным окружением. В научной литературе социальное окружение рассматривается в числе факторов, влияющих на совершение преступлений. Как правило, близких родственников, друзей и знакомых относят к лицам, побуждающим индивида к преступлению либо соучаствующим в нём.

: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Кургузкина Елена Борисовна. – Москва, 2003. – 423 с.

² Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект) : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.06 / Пастушеня Александр Николаевич. – Москва, 2000. – 551 с.

Учитывая значимость социального окружения для формирования криминальной направленности личности, целесообразно рассмотреть влияние, которое на неё оказывает уголовное наказание. Выявление его роли позволяет уточнить представление о социально-психологических последствиях его переживания и возможную детерминацию криминальной направленности.

Цель исследования – выявление влияния уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Гипотеза исследования заключается в предположении о наличии психологического влияния последствий уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Предполагается, что субъективные представления преступника о самом себе, преступлении и наказании порождаются социальными представлениями групп и сообществ, участником которых он является. В то же время его представления, вызванные уголовным наказанием, а также оценкой этого факта со стороны социального окружения, могут по-разному влиять на жизнедеятельность.

Структура статьи организована в соответствии с гипотезой. Вначале описываются представления о влиянии социального окружения и взаимодействия с ним на криминализацию преступника, затем оценивается влияние последствий уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Влияние социального окружения на криминальную направленность лиц, подвергшихся уголовному наказанию

Современные научные представления описывают несколько видов влияния социального окружения преступников, привлечённых к уголовной ответственности, на криминализацию. Обобщённо можно выделить прямое и опосредованное влияние.

Прямое влияние предполагает, что социальное окружение побуждает субъекта к совершению преступления, формируя представление о цели преступления (либо способе его совершения). Лица из числа близкого окружения организуют преступление либо принимают участие в его осуществлении.

Опосредованное влияние предполагает, что социальное окружение создаёт условия для формирования криминальной направленности, побуждая её либо потворствуя её усилению. Социальное окружение формирует убеждения, представления и ценности субъекта, допускающие возможность преступного деяния. Таким образом, существующие научные представления предписывают социальному окружению роль детерминанты преступления. Помимо этого, социальное окружение выполняет роль регулятора целевого и операционального этапов преступной деятельности. Отмечается, что референтные для преступника лица участвуют в обсуждении замысла преступления. Их мнение

используется субъектом при планировании преступления, в частности, при принятии решения о его осуществлении, выборе способа совершения, моделировании условий и своего поведения, вплоть до сокрытия следов и противодействия расследованию. Таким образом, в научной литературе неоднократно описывалось мотивационное и операциональное влияние лиц на преступника.

Вместе с тем, развивая уже изложенные соображения, значение социального окружения целесообразно рассмотреть, представив его в качестве самостоятельного компонента регуляции преступного поведения. Связи и отношения преступника с другими людьми могут быть объединены на основании их релевантности одному субъекту в целостное интраперсональное образование, регулирующее преступное поведение.

Отдельные его составляющие – отношения в семье, с друзьями и сверстниками, участниками преступной группы, иных групп и сообществ неоднократно подвергались психологическому и криминологическому анализу. Однако комплексно отношение преступника к своему социальному окружению не изучалось. Это не позволяло учитывать разнонаправленное влияние окружающих лиц на формирование криминальной направленности и, наряду с этим, выявлять субъективное отношение к преступной деятельности. Кроме того, изучение отношений с социальным окружением позволяет обращаться не к отдельным видам социального взаимодействия преступника, а изучать преступный образ жизни субъекта, социальные условия его поддержания и прекращения.

Эмпирические исследования зарубежных криминальных психологов демонстрируют, что формирование криминальной направленности в условиях взаимодействия с социальным окружением является неоднородным и сложным процессом.

В концепции, предложенной G. M. Sykes, утверждалось, что преступники склонны переходить от социального поведения к асоциальному в непосредственном взаимодействии с криминальным сообществом [25]. Так, в совместной деятельности с преступниками они ведут себя в соответствии с нормами, установленными для этой группы, однако за пределами преступной группы могут демонстрировать законопослушное поведение.

В ходе изучения молодёжных банд С. Strocka также отмечает, что жестокость становится атрибутом социального поведения, соответствующим роли преступника в банде, при этом в других социальных ролях (семейных, профессиональных) она не воспроизводится. Например, члены банд соблюдают правила социального поведения, когда они идентифицируют себя с такими социальными ролями, как отец, муж или рабочий [24].

Вне криминального окружения асоциальное поведение может трансформироваться в законопослушное. Так, A. Dawes установлено,

что нравственное поведение преступника изменяется под влиянием условий социального окружения [22]. В кругу семьи, в присутствии друзей не из числа криминальной группы такие субъекты не склонны проявлять криминальную направленность. Сопоставление семейной и криминальной социальной идентичности осуждённых показало, что преобладание ориентации преступников на выполнение социальной роли «отец», «муж» снижает вероятность возобновления криминальной карьеры [23]. Можно заключить, что криминальная направленность реализуется тогда, когда преступник воспринимает себя таковым, а также получает подтверждения этому в социальном окружении.

Безусловно, в этом процессе имеет значение психологическая близость и идентификация с преступниками из числа своего социального окружения. Так, Е. К. Asencio и Р. J. Burke выявили роль социального окружения в процессах поддержания криминализации осуждённых [20]. Полученные ими результаты показали, что мнение социального окружения оказывает дифференцированное влияние на криминализацию осуждённых. В её формировании участвуют оценки и мнения ближайшего социального окружения (членов семьи и родственников), а также лиц, совместно с ними отбывающих уголовное наказание. Персонал исправительного учреждения не оказывает значимого влияния на криминализацию или ресоциализацию осуждённых.

Исследователями также установлено, что осуждённые, обладающие криминальной направленностью, не склонны прислушиваться к мнению семьи или окружающих. Ресоциализирующийся тип осуждённых воспринимает и осмысливает оценки со стороны социального окружения. Кроме того, криминализирующийся тип осуждённых фокусируется на внешней стороне, а ресоциализирующийся, наоборот, на внутренней, осмысленной.

Итак, анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что социальное окружение оказывает существенное влияние на формирование и поддержание криминальной направленности. Установлено, что влияние оказывает ближайшее социальное окружение, обладающее высокой субъективной значимостью для преступников. С учётом важности социального взаимодействия для криминализации и ресоциализации преступников целесообразно рассмотреть его изменения, обусловленные уголовным наказанием.

Влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие преступника

Рассмотрение последствий проводится путём их разделения на социальные и личностные с описанием психологической специфики каждого из них. Вне внимания остаются правовые последствия, заключающиеся в ограничении отдельных избирательных прав, возможности замещать должности государственных гражданских служащих и военнослужащих,

а также иных ограничений в правах, основанных на решении суда.

Необходимость рассмотрения социальных последствий обусловлена тем, что их эффект является противоречивым, поскольку лишь отчасти связан с фактом привлечения к уголовной ответственности. В большей мере социальные последствия связаны с нормами, ценностями, представлениями и установками социальных сообществ, участником которых является преступник. В глобальном смысле социальные последствия определяются отношением общества к преступлению и преступнику.

Воплощаясь в виде социальных представлений, они формируют социальное отношение, стереотипы и установки во взаимодействии с преступниками. Следует отметить, что данные представления не являются однородными, поскольку у отдельных социальных слоёв, сообществ и социальных групп мнение о преступниках может быть противоположным. Ряд из них отрицают преступление и осуждают преступников, склонны ограничивать взаимодействие с преступником, вытесняя либо вовсе исключая его из системы отношений. Ряд сообществ в силу обычаев и традиций может считать допустимым осуществление отдельных видов преступлений [7]. Наконец, в асоциальных сообществах преступление может восприниматься нейтрально либо даже положительно, если оно соответствует установленным в нём ценностям и нормам. Статус и авторитет участников подобных сообществ может прямо зависеть от общественной опасности их действий [12], противоправных представлений [17].

Таким образом, социальные представления присущие разным сообществам и группам, по-разному оценивают факт привлечения к уголовной ответственности – от прекращения взаимодействия и разрыва отношений до присвоения более высокого статуса. Несмотря на многообразие оценок, наиболее частыми социальными последствиями привлечения к уголовной ответственности для индивида выступают: потеря источника дохода вследствие прекращения трудовых отношений и разрыва связей с определённой частью социального окружения [4], деструкция неформальных социальных связей, в том числе с членами семьи [5], родственниками и друзьями [13].

К личностным последствиям уголовного наказания, влияющим на взаимодействие с социальным окружением, можно отнести изменения самооценки и состояние потребностно-мотивационной сферы. Они изучаются в контексте социальных последствий привлечения к уголовной ответственности и гипотетически связываются с субъективным переживанием социального давления, вызванного стигматизацией преступлений и преступников.

Психологическая специфика самооценки преступников неоднократно подвергалась анализу отечественными исследователями. В частности, в работах А. В. Вэтра [3], М. В. Кроз и Н. А. Ратиновой [9], Ю. В. Новиковой [14],

Е. В. Чернышевой³ представлены эмпирические сведения об уровне и состоянии самоотношения преступников, показывающие, с одной стороны, противоречия в самоотношении и неадекватность самооценки, с другой, отсутствие потребности в её регуляции, в том числе приведение в соответствие вслед за мнением окружающих людей.

Объяснение данным феноменам даётся с позиции дефектов механизмов, регулирующих самоотношение [15], действия психологических защит [16], влияния криминализованного социального окружения [6]. Обобщение современных представлений позволяет заключить, что самоотношение преступника по сравнению с законопослушным лицом может иметь отклонения, обусловленные акцентуированными чертами характера, сниженной потребностью в социальных источниках формирования самооценки, дефектами перцепции социальной информации, низкой социальной компетентностью. Отметим, что в ходе уголовного преследования преступники находятся в ситуации, требующей публичного признания вины, что существенно влияет на их самоотношение и самооценку. Вместе с тем, как показывают криминологические исследования, раскаяние в содеянном преступлении чаще всего носит формальный характер, происходит в целях избежания наказания [19].

Изучение психологических особенностей лиц, осуждённых за совершение преступлений, позволяет заключить, что их социальная некомпетентность ведёт, как правило, к снижению самооценки, а та, в свою очередь, способствует развитию агрессивной-насильственной и в целом криминальной направленности осуждённого. Конечно, социальное отчуждение не имеет однозначной связи с выбором преступного действия. Однако известно, что человек стремится восстановить самооценку теми средствами и в тех условиях, которые ему доступны. Поэтому преступники, имеющие проблемы с самооценкой, считают, что успешные, но противоправные действия являются для них единственной возможностью повлиять на свой социальный статус в группе [21].

Можно заключить, что самоотношение и самооценка преступников обладает дефектами формирования, влияющими на восприятие социального отношения к преступлению, затрудняющими переживание вины за его совершение. Как следствие, взаимодействие с социальным окружением ориентировано на формирование идеального «образа-Я», включающего раскаяние за антиобщественный поступок, сочетающееся с самооправданием, позитивно-завышенную самооценку, эгоцентрическую и суверенную позицию во взаимодействии с окружающими людьми [18].

Состояние потребностно-мотивационной сферы также влияет на социальное взаимодей-

ствие преступников с окружающими. Поскольку психологической предпосылкой большинства преступлений выступает актуальная потребность, то её вид, а также мотив, цель и способ её достижения являются ведущими основаниями для совершения противоправных действий⁴. При этом уголовное наказание не влияет на уровень притязаний и характер потребностей лица, затрагивая лишь мотивационно-целевую и операциональную сторону деятельности.

Рассматривая их в рамках модели регуляции преступной деятельности, предложенной В. Н. Кудрявцевым, можно отметить, что криминальная направленность проявляется на личностном и мотивационном этапах регуляции, а не целевом и операциональном [10]. Соответственно, решение о возможности совершения преступления предполагает приемлемость криминального деяния личностными ценностями, убеждениями, представлениями и пр. Другие этапы регуляции преступного поведения, как показывает исследование О. В. Кузнецовой, влияют на процессуальную сторону преступного действия, его планирование и реализацию [11].

В результате привлечения к уголовной ответственности субъект сталкивается с трудностью либо невозможностью выполнения определённой деятельности и, как следствие, удовлетворения потребности. Эта ситуация, с одной стороны, сопровождается переживанием стресса и фрустрации, с другой – требует перестройки деятельности и взаимодействия с окружающими. В то же время субъект, подвергшись уголовному наказанию, сталкивается с необходимостью изменить (скорректировать) своё поведение, но может не изменять мотив поступка, его цель и средства достижения.

В результате содержание деятельности субъекта, подвергшегося судимости, остаётся неизменным, в то время как внешняя сторона, социальное поведение и взаимодействие с окружающими затруднены последствиями уголовного наказания и психологической реакцией на последствия привлечения к уголовной ответственности. Этим, как нам представляется, отчасти обусловлена проблематика трудоустройства лиц, осуждённых к уголовному наказанию [8]. Как показывают исследования осуждённых, им свойственно переживать тревогу перед будущим [1], вызванную в том числе отсутствием социальных навыков, необходимых для обеспечения желаемого образа жизни [2].

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности усиливает противоречия в самоотношении и регуляции потребностно-мотивационной сфер личности. Специфика самоотношения преступников вызвана противоречием между поддержанием положительного представления о себе (положительного «образа-Я» и высокой самооценки) и избеганием принятия

³ Чернышева Е. В. Особенности Я-концепции личности осуждённых : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Чернышева Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2005. – 175 с.

⁴ Гульдман В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 / Гульдман Виктор Викторович. – Москва, 1985. – 521 с.

ответственности за совершенное преступление в сочетании с негативными социальными представлениями о преступлении и преступнике.

Специфика потребностно-мотивационной сферы характеризуется противоречием между сохранением уровня притязаний и регуляции потребностно-мотивационной сферы преступника и социальными условиями их удовлетворения. Данное противоречие может быть решено путём перестройки притязаний и изменения потребностей либо путём интенсификации взаимодействия с окружающими, привлечения ресурсов и помощи окружающих.

Поскольку социальные возможности и условия жизнедеятельности лиц, подвергшихся уголовному наказанию, ухудшаются, то психологическим переживанием, связанным с искажённым самоотношением и трудностью удовлетворения потребности, выступают стресс и фрустрация. Их проявление вызвано субъективно воспринимаемой невозможностью удовлетворения потребности либо наличием существенных препятствий.

Подводя итоги выполненного анализа, целесообразно обобщить социально-психологические особенности отношений лиц, подвергшихся уголовному наказанию, с социальным окружением.

К социально обусловленным последствиям следует отнести социальную стигматизацию, вызванную привлечением к уголовной ответственности, приводящую к ограничению социальных возможностей, нарушений в совместной деятельности, ухудшению межличностных отношений.

Следствием дефектов социального взаимодействия выступают снижение объективного и субъективного качества жизни, психологические переживания стресса и фрустрации, вызванные трудностями удовлетворения потребностей.

Субъективные последствия обусловлены совокупным влиянием представлений преступника о себе и содержанием потребностно-мотивационной сферы. К данным представлениям относятся:

- в части самоотношения: искажённое самоотношение и неадекватная самооценка, сопряжённая с представлением о себе как преступнике;

- в сфере потребностно-мотивационных компонент деятельности: завышенный уровень притязаний, искажения мотивационно-целевой составляющей внутреннего плана деятельности,

неадекватный стиль взаимодействия с социальным окружением.

Следствием описанных особенностей выступает специфический стиль взаимодействия с окружающими, ориентированный на поддержание благоприятного образа-Я и самооценки, сочетающийся со стремлением к удовлетворению потребностей и соответствия уровню притязаний в условиях отказа от сотрудничества, предоставления помощи и поддержки.

Выводы

В статье рассматривалось влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие преступника. Проведённый анализ показал, что привлечение к уголовной ответственности оказывает влияние на социальные возможности удовлетворения потребностей, самоотношение и потребностно-мотивационную сферу преступника. Данное влияние обусловлено социальными представлениями о преступлении и преступнике, влияющими на их оценку и формирующими установку на взаимодействие с лицом, подвергшимся уголовному наказанию.

Установлено, что конструктивное переживание уголовного наказания выражается в установлении отношений помощи и поддержки с социальным окружением, признании вины и построении целостного и непротиворечивого самоотношения. Деструктивное переживание уголовного наказания выражается в социальном пессимизме, сниженной самооценке, противоречивом «образе-Я» и низком уровне социального взаимодействия.

Полученные результаты уточняют и конкретизируют научное представление о психологических аспектах восприятия уголовного наказания, его влияние на социальное взаимодействие и образ жизни преступника.

Практическое применение результатов видится, во-первых, в дальнейшей разработке проблем социального влияния на индивидуальные представления лиц, подвергшихся уголовному преследованию; во-вторых, в совершенствовании программ профилактики повторных преступлений, в том числе и рецидивной преступности путём формирования психологических условий признания вины и раскаяния за совершенные преступления; в-третьих, в программе предупреждения преступлений путём психолого-педагогического воздействия на представления несовершеннолетних преступников и правонарушителей.

Список литературы

1. Акоюян Л. С. Тревожность и страхи женщин в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 115–119.
2. Бусыгин Н. И., Вербина Г. Г. Социально-психологические аспекты адаптации осуждённых после освобождения из мест лишения свободы // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 2–10. – С. 35–38.
3. Вэтра А. В. Теоретико-методологический анализ самосознания подозреваемых и обвиняемых за насильственные преступления / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 360–366.

4. Горбань Д. В., Ефремова О. С. Концептуальная теоретическая модель уголовно-исполнительной характеристики личности осужденного к лишению свободы // Право и политика. – 2019. – № 3. – С. 21–32. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.3.22937.
5. Данилин Е., Наумов С. Ресоциализация осуждённых в колониях-поселениях в процессе совместного проживания с семьёй // Ведомости УИС. – 2003. – № 7. – С. 30–33.
6. Злоказов К. В. Конструирование идентичности и криминализация личности : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – 142 с.
7. Зюков А. М. Антиобщественные традиции, обычаи и привычки различных этнических групп // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 124–127.
8. Кохман Д. В., Добров Д. А. Некоторые особенности трудоустройства осуждённых к наказанию в виде исправительных работ: опыт России и стран СНГ // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 172–179.
9. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Особенности самооценки коррупционных преступников // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 4 (45). – С. 23–31.
10. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – Москва: Наука, 1982. – 287 с.
11. Кузнецова О. В. Структура деятельности делинквентной личности (на примере лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений) // Педагогическое образование на Алтае. – 2014. – № 2. – С. 464–465.
12. Кулакова В. А. Организованная преступность и деяние, предусмотренное статьёй 2101 уголовного кодекса Российской Федерации / Правовая система России: история, современность, тенденции развития : сборник материалов VIII заочной Всероссийской научно-практической конференции. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. – С. 80–92. – DOI 10.22250/LSR.2021.10.
13. Латышева Л. А. Особенности ресоциализации женщин, осуждённых к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 94–98.
14. Новикова Ю. В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 32–37.
15. Ситковская О. Д., Коньшева Л. П. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе : научно-методическое пособие. – Москва: Издательство Университета прокуратуры, 2001. – 72 с.
16. Сочивко Д. В., Сочивко О. И. К вопросу о психологических особенностях осуждённых / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 139–141.
17. Сучкова Е. Л. Представления о правовой действительности условно осуждённых // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 153–161.
18. Чернышева Е. В. Криминологические и психологические показатели личности осуждённого // Пасхи: научный психологический журнал / Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), – 2005. – № 2 (12). – С. 191–209.
19. Шкарлет Н. А. Теория и практика учёта судом личности подсудимого при условном осуждении // Российское правосудие. – 2019. – № 10. – С. 101–105. – DOI 10.17238/issn2072-909X.2019.10.101-105. – EDN SNTZDJ.
20. Asencio E. K. & Burke P. J. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // Sociological Perspectives. – 2011. – № 54. – P. 163–182.
21. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social perspective // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2011. – № 4. – P. 604–615.
22. Dawes A. (1992). Political and moral learning in contexts of political conflict. Paper presented at the Course on Mental health of children exposed to violent environments, Refugee Studies Programme, University of Oxford, 6th -10th January.
23. LeBel T. P., Burnett R., Maruna S. & Bushway S. D. The “chicken and egg” of subjective and social factors in desistance from crime // European Journal of Criminology. – 2008. – № 5. – P. 131–159.
24. Strocka C. (2008). In Search of Identity. – Germany: VDM Verlag.
25. Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – № 22. – P. 664–670.

References

1. Akopyan L. S. Trevozhnost' i strakhi zhenshchin v mestakh lisheniya svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2015. – № 2 (16). – S. 115–119.
2. Busygin N. I., Verbina G. G. Sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty adaptatsii osuzhdonnykh posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody // Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy. – 2017. – № 2–10. – S. 35–38.
3. Vetra A. V. Teoretiko-metodologicheskii analiz samosoznaniya podozrevayemykh i obvinyayemykh za nasil'stvennyye prestupleniya / Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2019. – S. 360–366.

4. Gorban' D. V., Yefremova O. S. Kontseptual'naya teoreticheskaya model' ugolovno-ispolnitel'noy kharakteristiki lichnosti osuzhdenного k lisheniyu svobody // Pravo i politika. – 2019. – № 3. – S. 21–32. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.3.22937.
5. Danilin Ye., Naumov S. Resotsializatsiya osuzhdonnykh v koloniyakh-poseleniyakh v protsesse sovmejnogo prozhivaniya s sem'oy // Vedomosti UIS. – 2003. – № 7. – S. 30–33.
6. Zlokazov, K. V. Konstruirovaniye identichnosti i kriminalizatsiya lichnosti : monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2017. – 142 s.
7. Zyukov A. M. Antiobshchestvennyye traditsii, obychai i privychki razlichnykh etnicheskikh grupp // Sovremennoye pravo. – 2010. – № 5. – S. 124–127.
8. Kokhman D. V., Dobrov D. A. Nekotoryye osobennosti trudoustroystva osuzhdonnykh k nakazaniyu v vide ispravitel'nykh rabot: opyt Rossii i stran SNG // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. – 2021. – № 1. – S. 172–179.
9. Kroz M. V., Ratinova N. A. Osobennosti samootsenki korrupsionnykh prestupnikov // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2018. – № 4 (45). – S. 23–31.
10. Kudryavtsev V. N. Pravovoye povedeniye: norma i patologiya. – Moskva: Nauka, 1982. – 287 s.
11. Kuznetsova O. V. Struktura deyatelnosti delinkventnoy lichnosti (na primere lits, obvinayemykh v sovershenii osobo tyazhki prestupleniy) // Pedagogicheskoye obrazovaniye na Altaye. – 2014. – № 2. – S. 464–465.
12. Kulakova V. A. Organizovannaya prestupnost' i deyaniye, predusmotrennoye stat'oy 2101 ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii / Pravovaya sistema Rossii: istoriya, sovremennost', tendentsii razvitiya : sbornik materialov VIII zaочноy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. – S. 80–92. – DOI 10.22250/LSR.2021.10.
13. Latysheva L. A. Osobennosti resotsializatsii zhenshchin, osuzhdonnykh k lisheniyu svobody // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. – 2014. – № 2 (26). – S. 94–98.
14. Novikova Yu. V. Tipologicheskiye skhemy lichnosti prestupnika v strukture kriminologicheskoy kharakteristiki prestupnosti (prestupleniy) // Obshchestvo i pravo. – 2021. – № 2 (76). – S. 32–37.
15. Sitkovskaya O. D., Konyshcheva L. P. Psikhologicheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh v ugolovnom protsesse : nauchno-metodicheskoye posobiye. – Moskva: Izdatel'stvo Universiteta prokuratury, 2001. – 72 s.
16. Sochivko D. V., Sochivko O. I. K voprosu o psikhologicheskikh osobennostyakh osuzhdonnykh / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki. – Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – S. 139–141.
17. Suchkova Ye. L. Predstavleniya o pravovoy deystvitel'nosti uslovno osuzhdonnykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – № 3. – S. 153–161.
18. Chernysheva Ye. V. Kriminologicheskiye i psikhologicheskiye pokazateli lichnosti osuzhdonного // Paskhi: nauchnyy psikhologicheskii zhurnal / Ural. gos. ped. un-t. Yekaterinburg, – 2005. – № 2 (12). – S. 191–209.
19. Shkarlet N. A. Teoriya i praktika uchota sdom lichnosti podsudimogo pri uslovnom osuzhdenii // Rossiyskoye pravosudiye. – 2019. – № 10. – S. 101–105. – DOI 10.17238/issn2072-909X.2019.10.101-105. – EDN SNTZDJ.
20. Asencio E. K. & Burke P. J. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // Sociological Perspectives. – 2011. – № 54. – P. 163–182.
21. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social perspective // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2011. – № 4. – P. 604–615.
22. Dawes A. (1992). Political and moral learning in contexts of political conflict. Paper presented at the Course on Mental health of children exposed to violent environments, Refugee Studies Programme, University of Oxford, 6th -10th January.
23. LeBel T. P., Burnett R., Maruna S. & Bushway S. D. The “chicken and egg” of subjective and social factors in desistance from crime // European Journal of Criminology. – 2008. – № 5. – P. 131–159.
24. Strocka C. (2008). In Search of Identity. – Germany: VDM Verlag.
25. Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – № 22. – P. 664–670.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing April 22, 2022; accepted for publication May 17, 2022.